

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Михалёва Елена
ЯРГА. СКАЗ О ЖАР-ПТИЦЕ,
ДЕВИЦЕ И СЕРОМ ВОЛКЕ

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Иллюстрация на переплете *Любови Скрипкиной*

Иллюстрация на форзаце *Адели Кейн*

Дизайн переплета *Ольги Жуковой*

Михалёва, Елена Алексеевна.

М69 Ярга. Сказ о Жар-птице, девице и Сером Волке : [роман] / Елена Михалёва. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 352 с. — (Страшные сказки со всего света. Ретеллинги).

ISBN 978-5-17-166364-3

Ярга — сирота и недотёпа. Она ищет лёгкий способ обрести счастье и обращается за помощью к кровожадному лесному божеству. Вот только вместо божества ей встречается хитрый Серый Волк. Да и желанный жених Иван-царевич не спешит с «жили они долго и счастливо». Вместо свадебного пира он отправляет Яргу на поиски Жар-птицы. Они приведут к опасным приключениям... или, быть может, приключения подарят истинную любовь?

Добро пожаловать в мир славянского фольклора и тёмной сказки, где всё нам с детства знакомо, но далеко не очевидно!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Михалёва Е. А., 2025
© Яна Panda, внутренние иллюстрации, 2025
© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2025

ISBN 978-5-17-166364-3

ПРОЛОГ

Злая чернильная ночь расплескала за окнами непогоду. Перун гневался — бил булавой по щиту, высекая громы и молнии. Ярость его изливалась на мир неукротимой бурей, гибелью, от которой не спрятаться.

Но в избе пахло теплом и свежими ватрушками с творогом. А ещё немного щами с квашеной капустой, которые томились в печи внутри большого пузатого горшка, закопчённого и старого, как его хозяйка. Запах был просто изумительный. Правда, если приблизиться к закрытой заслонке вплотную и потянуть носом, можно было уловить и совершенно иной запах — дух разрытой могилы. Призрачный. Отчётливый лишь в те дни, когда хозяйка гасила угли, чтобы вычистить из печи золу.

— Говорю тебе, она запекает детишек целиком, — прошептал мальчик, сидевший на лавке в углу. — Так все толкуют.

Маленькая сестрёнка в свободной рубашонке и лаптях перестала болтать ножками и уставилась на него:

— Как так, целиком? — Её очи округлились от ужаса.

— Моет в баньке, а потом сажает на лопату и запикивает внутрь. — Он склонил вихрастую голову к начисто

вымытой головёнке сестры на тоненькой цыплячьей шейке, белокурой и косматой. — И заслонку задвигает, да так крепко, что не выбраться.

— Не выбраться... — эхом повторила девочка, а сама перевела взор на печку. — Ух, страшненько...

Девочка передёрнула плечиками и бросила взгляд на стол пред собою, где стояло большое серебряное блюдо. По его поверхности само собой бесшумно каталось единственное яблочко. Наливное, душистое, но надкусанное с одного бочка. Заколдованное яблоко показывало детям всё, о чём они просили; не отвечало оно лишь на вопросы о хозяйке. Экий упрямый плод попался!..

— А что, — малышка взволнованно облизала губы, — она только скверных деток ест или всех подряд?

Вместо ответа мальчонка подхватил сестру подмышки и прытко юркнул вместе с ней под лавку. Прижал палец к губам: сиди, мол, тихо. Девочка только кивнула. Разница меж ними была два года, но она привыкла во всём слушаться старшего.

Заскрипело крыльцо, отворилась входная дверь, и во вспышке молнии явилась хозяйка. Торопливо вошла внутрь и заперлась.

— Ух и разгулялось ненастье, — проворчала она. — Все дороги теперь размочит, все тропиночки завалит буреломом, ни пройти ни проехать. Не продраться в мои края никому.

Хозяйка усмехнулась с толикой злорадства. Скинула с себя толстую шерстяную накидку, по которой легко, будто по древесному листку, а не по тканому полотну, стекали дождевые капли. Женщина тряхнула плащ и повесила на крючок, а потом оглядела избушку цепким взглядом.

— Вылезайте, паршивцы! Для чего вас отмывала? Чтоб вы грязь под лавкой собирали? — рыкнула она.

Хозяйка побрела по скрипучему полу поступью утомлённого годами человека, при этом одна её нога будто стучала громче, чем другая.

— Вылезайте, говорю! А не то выставлю за порог в непогоду!

Детишки переглянулись, но всё же нехотя выбрались на свет.

Женщина пред ними была не молодой, но и не совсем уж старой. Её нос казался чуть крупнее от возраста, а кожа была бледна и морщиниста, но взор оставался ясным, даже хитрым. Облачена она была в простую крестьянскую одежду и цветастую шаль с бахромой, а на ногах вместо лаптей носила кумачовые сапожки, будто девица, а не старица. Из-под красиво повязанной вокруг головы косынки выглядывали серебряные ниточки волос.

— Ну! — гаркнула она снова, хмурия густые седые брови. — Одна морока с вами! Живо на лежанку, пока не застудились после купания! Нужны вы мне хворые!

Мальчонка снова подхватил сестру и закинул её на уютную лежанку, что пряталась меж стеной и печью. Там было темно и жарко среди перин и подушек. Там же лежали их игрушки — тряпичная кукла и красный волчок из дерева.

— Бабушка Яга, — протянула девочка, выглядывая из-за брата. Зубов у малышки было меньше, чем у пожилой женщины. — А правда, что ты деток малых жарить и ешь?

Хозяйка дома, которая уже принялась хлопотать у печи, вдруг замерла.

— Кто тебе сказал? — Она сурово глянула на мальчика. — Ты! Всё ты! — Она пригрозила ему пальцем. — Вот тебя первым и жарю, озорника! Только откормлю вас как следует — кожа да кости.

— Маменька говорит, я богатырём расту. — Мальчик гордо задрал нос.

Баба Яга усмехнулась, возвратившись к делам.

— Богатырь, — фыркнула она. — Воды не смог мне натаскать, только на суп и сгодишься.

Мальчонка втянул голову в плечи, насупился.

— Бабушка, — снова протянула девочка, наблюдая за хозяйкой, которая повязывала поверх пёстрой многослойной юбки передник, — а расскажи нам сказку.

— Сказку?.. — Баба-яга задумчиво причмокнула тонкими губами и подошла к детям, чтобы сесть подле них на край лежанки. — И о чём же вы хотите сказку, непоседы?

— О страшном звере из Дремучего леса! — Глаза мальчика загорелись восторгом.

За окном вновь полыхнула молния, громовой раскат сотряс чащобу.

— Или лучше о любви, которая всё побеждает. — Сестра испуганно вцепилась в его плечо.

Баба Яга почесала кончик носа, вздохнула.

— Дайте-ка подумать... — Но размышляла она не слишком долго. — Жила-была одна девица. Нарекли её родители Яргой — Весенним Солнцем. Нарекли да и померли. И оставили бедную Яргу одну-одинёшеньку на всём белом свете, среди чудищ и людей, которые порою пострашнее чудищ. Вот о ней и будет моя сказка..

Глава 1

ТРОПА В ДРЕМУЧЕМ ЛЕСУ

Роваривали, будто на ту тропу ни одна лошадь не ступит — подкованным железом копытам путь в Дремучий лес заказан. Там другие силы царят, древние, безудержные, живущие по одному закону: главный тот, кто сильнее. Да только, помимо главного, обитают в Дремучем лесу и другие создания — те, с кем встречаться не пожелаешь ни днём, ни тем более ночью. Ни одно светлое божество не станет марать о них руки, потому и достались они все ему одному. Велесу.

Кто-то величал его «скотий бог», иные прозвали зме-ем, демоном без чести и совести.

Что ему только не приписывали! И власть над домашним скотом. И владычество над Навью — миром мёртвых. И умение повелевать любым зверем по эту сторону Яви. Сходились люди лишь в одном — младший брат Перуна поселился в Дремучем лесу неспроста. Причин никто не ведал, но дорогу в чашу предпочли позабыть. Да и что там делать простому смертному? Нечисть разорвёт, нежить косточки обглодает. Милости искать нечего, не проймут никакие мольбы.

Но про тропку слышали многие, будто вела она в самое сердце Дремучего леса, к терему своего хозяина. Сам Велес пировал там за столом и горя не ведал. Мог убить того, кто посмеет вторгнуться в его владения. Однако же мог и наградить любого, кто отважится пройти по тропе и не сойдёт с неё ни разу, пусть бы лес его пугал и соблазнял, пусть угрожал бы лишить всего.

Ярга шла по тропе с самого утра. В том, что лес был Дремучим, сомневаться не приходилось, она лишь надеялась, что дорогу выбрала верную.

Деревья смыкались вокруг всё теснее. Их стволы были черны, толсты и кривы, они тянули к ней ветви, будто руки. Листвы на них росло мало, а которая была, более напоминала осеннюю, нежели ту, что должна зеленеть в начале лета. В высоких кустах время от времени что-то шуршало. В подлеске по обе стороны от тропы мелькали тени, вспыхивали и гасли чьи-то глаза.

Однажды Ярга услышала надрывный детский плач. В другой раз, когда чаща вокруг сделалась совсем уж сумрачной, перед ней встала женщина в белом. Та глядела исподлобья и не шевелилась, лишь сквозь неё просвечивали ветки. Ярга заговаривать с ней не стала — не знала она ни молитв, ни имён в своём роду, которые могли бы уберечь от злого духа, поэтому просто крепче стиснула ручку корзинки и прошла прямо сквозь привидение, а когда оглянулась, позади не увидела никого.

Ярга пошла быстрее. Она старалась не думать о том, как устали ноги в изношенных башмачках, как неудобно было в чужом платье и как тяжела оказалась корзинка в руках. Да ещё и кумачовая накидка на плечах то и дело цеплялась за ветки, но Ярга всё шла и шла.

Пока не наткнулась на волка.

Зверь возник на тропе даже внезапней, чем призрак женщины. Ярга моргнула лишь раз — и вот он уже прямо перед ней. Стоит и глядит, низко опустив голову. Это был громадный, мощный волк с медовыми глазами и густой

серой шерстью. Не просто пегой или желтоватой, а насыщенного цвета свежей золы в костре.

Ярга замерла, едва завидев его, — думала, мерещится он ей или взаправду явился.

Но волк не размышлял. Он глухо зарычал, а затем прыгнул. Стремительной стрелой метнулся вперёд, да так внезапно, что Ярга едва успела бросить корзинку. Она попыталась продраться сквозь жиденькие кусты, чтобы ударить, да какой там! Волк рухнул на неё сверху, клацнул зубами, стараясь сомкнуть их на шее девушки.

У Ярги оружия при себе не было, но она привыкла выживать и без него. А жить очень хотелось, не зря же потащилась в это гиблое место! Девушка ухватила волка за шкуру прямо под нижней челюстью и приложила всю силу, чтобы отвести смертоносную пасть в сторону. Тот щёлкал желтоватыми зубами и капал вязкой слюной прямо на лицо, но Ярга держала крепко. Она завизжала на весь лес и принялась лягаться, стараясь ударить зверя в живот побольнее. Казалось, что пальцы вот-вот сломаются о его толстую шкуру. Её отчаянный крик эхом разнёсся по чащобе, пугая зверей и птиц:

— Слезь! С меня! Мешок! С опарышами!!!

От напряжения всё тело трясло, на глазах выступили слёзы, сердце зашло в груди. И когда Ярга решила, что бороться уже больше нет сил, волк вдруг мягко вывернулся из её хватки, точно ему ничего не стоило это сделать и прежде, прыгнул в сторону и принялся кружить подле девушки.

Ярга заслонила руками. Она дышала тяжело, пыталась лихорадочно сообразить, чем бы защититься, но они, как нарочно, проломил мелкий орешник и рухнули в траву. Вокруг не было ничего, кроме папоротников и хвощей.

Волк облизнулся. Ярга зажмурилась... Но ничего не произошло.

А когда она снова открыла глаза, то обнаружила, что зверь нюхает воздух, повернув голову в сторону корзинки, которая валялась неподалёку.

— Что внутри? — спросил он совершенно человеческим голосом, низким и чуть хрипловатым.

— Пирожки, — рассеянно ответила Ярга.

Волк снова облизнулся.

— С чем?

— С олениной. — Она медленно опустила руки. Волк фыркнул, но Ярге почудилось, что он усмехнулся. — Кто ты такой?

Она села, не сводя взгляда с говорящего зверя. Ей доводилось слышать о животных, которые умели молвить на людском языке. Только все те истории обыкновенно заканчивались плохо, потому как зверь всегда оказывался демоном, колдуном или иным душегубцем.

— Я? — Он наконец перестал пожирать корзинку взглядом и вспомнил про девицу. — Серый Волк, не видишь, что ли? — Волк снова фыркнул и прищурился. — Ну, а ты кто такая будешь?

Ярга промолчала. Она знала: с нечистью говорить нельзя, а уж тем более называть своё имя. Имя — ключ к душе.

— Платишко вроде как нарядное, а вроде как застиранное и с чужого плеча. — Зверь неспешно двинулся вокруг неё. — Красная лента в золотой косице. Плащик альпий, будто праздничный. — Он резко скрылся за одним плечом и вынырнул из-за другого. — Невестушка, поди?

Ярга отпрянула, чуть было не упав снова, но Волк лишь скалился, словно хитро улыбался.

— Не невестушка, — покачала она головой.

— Так что ж ты тут позабыла, в этом гиблом месте, да ещё со своими дивными пирожками, от которых пахнет за версту так вкусно, что я чуть тебя саму не сожрал? — Волк усмехнулся, на сей раз ещё отчётливее. — Не оленина будто внутри, а зелье приворотное.

Он вновь обошёл Яргу и сел в траву напротив в ожидании ответа. Девушка вытерла рукавом его слюни с лица, брезгливо поморщилась.

— Я к Хозяину шла, — наконец решилась она.

Серый Волк перестал скалиться.

— К Хозяину? К самому главному в Дремучем лесу? — Он чуть наклонил голову набок: то ли оценивал девушку, то ли изумлялся. — Невесту он не ищет.

— Да уж явно невесты ему ни к чему. — Она поднялась с травы, принялась отряхиваться. Волк вряд ли собирался её есть, но всё же она поглядывала на него с опаской. — Я пирожки ему снести хотела, гостинец преподнести собиралась.

Волк визгливо засмеялся, разинув пасть так широко, что Ярга увидела кроваво-красный язык и глотку. Она сконфуженно потупилась. Одежка и вправду была на ней с чужого плеча и некогда принадлежала невестушке из соседнего села, но за свои деньги девушка смогла прикупить лишь это, чтобы предстать перед лесным владыкой в мало-мальски приличном одеянии.

— На что ему твои пирожки, ежели он — древнее божество, как говорят? — отсмеявшись, спросил Волк. — Сам-то я стараюсь подальше от него держаться, уж больно он жестокий даже по моему разумению. Но всяко ему не любви окажутся ни пирожки, ни ты сама. Уж прости, голубушка, — кожа да кости, взглянуть без слёз невозможно.

Ярга сердито поджала губы. Не хватало ещё, чтобы шерстяное отродье ей замечания делало и уродиною обзывало.

— Почём тебе знать? — буркнула она и пошла к корзине. Подняла, открыла плетёную крышку, чтобы проверить, что пироги целы и надёжно спелёнаты чистым полотенцем. — Хозяин тут один совсем. Вот уж много лет, как говорят, он из лесу не высовывался. Когда ему в последний раз такие вкусные пирожки подавали?

Волк встал и снова потянул носом, обращаясь всем телом к корзинке, как флюгер по ветру, закатил глаза. Ярга торопливо захлопнула крышку и встала вполоборота так, чтобы укрыть съестную ношу собой, будто мать — дитя.

Серый Волк усмехнулся.

— Твоя правда.

Он медленно пошёл вокруг девушки, и она принялась так же медленно поворачиваться, чтоб ни спиной к нему не оказаться, ни корзинку ненароком не подставить под жадную пасть. За эти пироги она выложила пекарю немало.

— А тебе какое дело? — Ярга прищурилась. — Уж не ты ли сам хозяин этого Дремучего леса?

— Я? — Волк развеселился. — Нет, к счастью. Я из тех его слуг, кто вечно в дозоре. Приглядываю за границами, чтоб такие, как ты, настырные девицы к Хозяину не совались.

— Хорош дозорный. — Ярга прижала к себе корзинку покрепче. — Я уж вон как далёко забралась.

— Твоя правда. — Зверь подошёл ближе. От него так и веяло гибелью и опасностью. — Так что за дело у тебя к Хозяину, что пирожки понесла ему в угощение?

Ярга замаялась. Сказать правду? Вдруг решит, что это глупости, и прогонит её, а то и вовсе убьёт?.. А солгать — так точно сразу догадается и не обрадуется. Правду, стало быть.

— Слышала я, что у Велеса под его теремом — подвалы, а в подвалах — сундуки с золотом, и...

Волк снова визгливо захохотал, ужасно обидно и презрительно.

— Ты, никак, блаженная? Или просто дурочка деревенская?

Он продолжал скалить желтоватые зубы в насмешливой ухмылке.

— Сам дурак, — буркнула Ярга и поплелась обратно к тропинке сквозь папоротники и проломленный орешник.

Серый Волк потрусил следом. Он даже не пытался её остановить.

— Живёт он в тереме, ты сама сказала, — говорил он на ходу. — Нет у него подвалов, только погреб, а в погребе том — репа, свёкла и морковка. Нет у него золота.

— Врёшь, — не оглядываясь, бросила девушка. — Всегда Перуна изображают со щитом и оружием, а брата его Велеса — со золотом и в медвежьей шкуре.

— Так на заборах дети углём и не такое малюют, нельзя всему верить, — парировал Волк, а затем вкрадчиво продолжил: — Да коли и есть у него сокровища, зачем ему с тобой делиться за пирожки, пусть и с олениной?

Ярга не ответила.

— Были у него княжны и царевны, — не унимался болтливый зверь. — Были богини. Даже колдунья, которая лебедицей обращалась, была. На что ему нищая чернавка?

Ярга бровью не повела — её и обиднее называли.

— Ну хорошо, допустим, я тебя пропущу, — размышляя вслух Волк. — Ты пересечёшь Дремучий лес и никого из моего племени, по счастью, не встретишь более. Но Хозяин говорить с тобой не станет, убьёт на месте. Ты ведь слышала, что вокруг терема у него частокол, а на том частоколе — черепа с горящими глазами?

— Слышала.

— И что?

— Пусть убьёт, если выслушать не пожелает, мне терять нечего, — бесцветным тоном ответила девушка. — Да и золото мне не так уж надобно, а вот от его помощи я не откажусь.

Волк, уставший плестись в хвосте, в несколько прыжков обогнал её и встал, преградив тропинку. Остановилась и Ярга.

— Какая такая помощь тебе нужна? — Его уши напряжённо вздрогнули.

— Хочу просить, чтобы он мою жизнь сиротскую наладил. — Она рассеянно улыбнулась, указав на корзинку,

ручку которой сжимала мозолистыми грязноватыми пальцами. — Я потому к нему и пошла с гостинцем. Продала всё, что имела, купила лучшее, что смогла. Он один на белом свете, и я одна, без просвета да без радости. Он меня поймёт, Волче. Я отчего-то уверена, что выслушает и пожалеет. — Она пожала плечами. — А если нет, то пусть лучше убьёт, потому как жить так, как я живу, невыносимо.

Волк больше не скалился. Он глядел яркими жёлтыми глазами совершенно серьёзно и так же серьёзно на пылкую тираду Ярги вымолвил одно лишь слово:

— Убьёт.

— Так тому и быть. — Она сделала шаг. — Пропусти.

Но Волк не двинулся с места. Ярге даже почудилось, что он сделался ещё больше, чем был.

— Ты молода, у тебя всё впереди. Не бывает настолько безрадостной жизни, чтоб с ней расставаться на потеху злому божеству. — Голос Волка звучал тихо и устрашающе, так, что девушка почувствовала мороз на коже. — Велес в эту чащобу попал не за добрые дела, и не от доброты он утыкал частокол черепами, а в лесу поселил душегубцев, среди которых я всё равно что дитяtko малое. Уходи, голуба, уноси ноги и не оглядывайся. И дорогу сюда забудь.

— Нет. — Ярга вскинула голову. — Пусть съест мои пироги да выслушает, а коли пожелает, то и печенью моей пусть закусит.

Серый Волк фыркнул.

— Глупость несусветная. Точно блаженная мне попала. — Он тряхнул головой. — Вот что: помогу тебе сам, не дам Хозяину тебя погубить.

Ярга с недоверием прищурилась.

— Отдай мне пирожки. — Волк не сдержался и с чувством облизнулся, а после молвил быстро и уверенно, так, словно всё уже решено было: — А взамен я тебе помогу, как ты говоришь, жизнь наладить. Велиградский царь

ищет невест для троих своих сыновей. Ты по возрасту прекрасно подходишь, да и я покривил душой, когда сказал, что взглянуть не на что. Хоть одному да придёшься по сердцу. Как придёшь в Велиград, скажешь, что ты невеста из старого купеческого рода, ехала издалека, но в лесу на ваш обоз напали и ограбили, убили всех, кроме тебя. Ты сбежать успела и долго пряталась по чащобам от диких зверей и чудищ, пока не набрела на их земли, куда и держала путь.

— Мне не поверят. — Ярга торопливо замотала головой. — Какая из меня купеческая дочка? Я и говорить толком не умею.

— А ты говори поменьше, побольше слушай, — невозмутимо ответил Волк. — Запоминай, что другие молвят. На вопросы отвечай коротко. Улыбайся сдержанно. Глазки в пол опускай. Быстро не ходи. Много не ешь, даже если голодно. Вот и примут тебя за кого нужно. А я уж тебе подсоблю, чтобы ты до места вовремя добралась, тропинку покажу короткую.

Настал черёд девушки усмехаться.

— Тропинку? Да тут, кроме бурелома... — Она попыталась жестом обвести вокруг себя, но вдруг осеклась.

Лес чудесным образом преобразился. Вместо густого колючего подлеска кустились папоротники. Заросли орешника выглядели аккуратными и низенькими. Травы оказались сочно-зелёными, среди них благоухали белоснежные ландыши. Красными капельками блестела на солнце сочная дикая земляника. Свет лился сквозь кучерявые изумрудные кроны. Он позволял различить узенькие тропки, коих здесь теперь было превеликое множество. Ярга задрала голову, не веря своим глазам, когда откуда-то сверху в этом царстве смерти и отчаяния слетела синяя бабочка.

— Как же это? — только и смогла вымолвить она.

— А вот так. — Голос Волка раздался совсем близко.

Ярга опустила глаза. Зверь сидел у самых ног и упирался носом в вожделенную корзинку.

— Ну так что, отдашь мне пирожки? — спросил он.

Она покорно поставила корзинку меж ними прямо на тропу и поклонилась так низко, как только могла согнуться в спине.

— Спасибо тебе, серенький. — Ярга искренне улыбнулась зверю.

— Сначала замуж за царевича выйди, а затем уж благодари. — Волк откинул мордой плетёную крышку. — Ну, ступай, тебе туда. — Он указал головой на одну из тропок. — На каждой развилке направо сворачивай, вот и выйдешь к Велиграду. Не бойся, по пути тебя никто не тронет.

— Но...

— Ступай, пока не передумал.

— Благодарю. — Она снова поклонилась.

Волк ничего ей не ответил. Он уже нырнул мордой в корзинку по самые уши, развернул полотенце и занялся душистыми пирожками.

Девушка доносить его больше не стала. Подхватила рукой подол и плащ, чтоб не цеплялись ни за что, и едва не бегом припустила по тропке, на которую указал зверь.

Она думала о том, что он, вероятно, обманул её: никакой дороги в Велиград здесь нет и в помине. Но уж лучше бежать сквозь лес, чем быть съеденной громадным серым волчищем, к тому же ещё и говорящим.

Дремучий лес снова сделался более дремучим и менее солнечным, однако тропка под ногами выглядела вполне чёткой, да и вокруг не было ни бурелома, ни страшных хищников. Не попадались призраки, не плакали злые духи, притворяясь детьми. Мелькнул однажды меж деревьями чёрный олень с серебряными рогами и исчез, будто он Ярге просто померещился.

Девушка шла до самых сумерек, не остановившись ни разу. Радовалась лишь тому, что не было более тяжёлой корзинки в руках, и боялась, что, едва солнце спрячется за горизонт, чащоба проглотит её заживо.